

УДК 81'36

Морозова Ирина Сергеевна

Morozova Irina Sergeevna

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая Школа Экономики – Пермь»
editor@hist-edu.ru

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, National Research University "Higher School of Economics – Perm"
editor@hist-edu.ru

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ПРЕДЛОЖЕНИИ (ИЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ВЫСКАЗЫВАНИЮ)

VIEWS ON THE SENTENCE (OR CONSIDERATIONS CONCERNING UTTERANCE)

В статье предпринимается попытка доказать, что, несмотря на сложность и неоднозначность, понятие предложения не является неопределимым. Предложение рассматривается как единица языка, существенным признаком которой является двусоставность, обусловленная наличием грамматической предикативности. Особое внимание уделено гносеологическому аспекту предложения, онтологическому аспекту предложения и проблеме разграничения предложения и высказывания.

This article presents an attempt to prove that the notion of sentence despite its complexity and ambiguity is not undefinable. The sentence is considered as a linguistic unit with the dominant feature of binomiality conditioned by the presence of grammatical predicativeness. Special attention is paid to gnoseological and ontological aspects of the sentence as well as the problem of differentiation between the sentence and the utterance.

Ключевые слова: высказывание, предикативность, предложение.

Key words: utterance, predicativity, sentence.

Нет необходимости говорить, что понятие предложения входит в круг «вечных» вопросов синтаксиса, грамматики и лингвистики вообще. Как отмечает Ю.А. Левицкий, «сложность рассматриваемого понятия имеет два аспекта, которые философы назвали бы *онтологическим* и *гносеологическим*. Первый предполагает рассмотрение самой сущности предложения, развития формальной структуры предложения, тогда как второй связан с проблемами изучения предложения» [1, с. 9]. В настоящей статье мы попытаемся остановиться на каждом из отмеченных аспектов. Переходя к первому, покажем, что существует множество определений предложения. Еще немецкий языковед Дж. Рис в своей книге «Что такое предложение?», вышедшей вторым изданием в 1933 г., привел 139 определений предложения, а отечественный лингвист В.А. Звегинцев пишет, что «к настоящему времени легко можно было бы удвоить, если не утроить количество таких определений» [2, с. 156].

Самое первое определение предложения как соединения слов, «выражающих законченную мысль» [3, с. 117] относится к античности. Как известно, античные грамматические исследования в значительной степени зависели от логики. Поэтому считалось, что предложение представляет собой выражение логического суждения, и эти две категории отождествлялись. Такое определение предложения прошло через века и знакомо нам по школьной грамматике, в связи с чем его называют *традиционным*. Традиционное определение предложения нельзя назвать неправильным, но оно логически некорректно, так как «здесь одно неизвестное (предложение) определяется через другое неизвестное (законченная мысль), т.е. X определен через Y, а значение Y не раскрыто» [4, с. 331-332]. Кроме того, «совершенное, т.е. вполне согласное с требованиями языка, предложение может соответствовать не логическому суждению, а только одному понятию. ... С другой стороны, простое предложение может соответствовать более чем одному логическому суждению» [5, с. 69]. И, наконец, логическое определение предложения неприложимо к вопросительным, побудительным, вероятностным и так называемым «односоставным» предложениям, которые не выражают суждения.

В 1860-е гг. представители психологического направления в языкознании показали, что грамматика и логика не тождественны. «...Образование языка и его употребление осуществляется не с помощью строго логического мышления, а посредством естественного, не вышколенного движения совокупности представлений, которое в той или иной степени, – в зависимости от способностей или образования, – руководствуется логическими законами или вовсе не считается с ними» [6, с. 57]. Таким образом, с психологической точки зрения, между грамматической правильностью предложения, которое представляет собой психический акт соединения определенных представлений в сознании говорящего или, наоборот, разложение целого представления на составляющие его единичные представления и соотнесение их друг с другом, и логической правильностью мысли нет однозначного соответствия. Совершенно очевидно, что определение предложения как психо-

логического (аналогично его определению как логического суждения) «страдает» отсутствием собственно языковых признаков предложения, в нем не обращается никакого внимания на его грамматическую форму. Кроме того, чисто психологическая основа определения единиц языка мешает их объективному изучению.

Природа предложения не была раскрыта и в определениях сторонников младограмматического направления, которые смешивали понятия словосочетания и предложения и понимали последнее как одну из разновидностей словосочетания. Так, Ф.Ф. Фортунатов считает, что предложение – это «законченное словосочетание», в котором «одно слово сочетается с другим словом, как одна часть суждения с другою частью суждения...», и части такого словосочетания образуют собою подлежащее и сказуемое предложения, а именно несамостоятельная по значению часть законченного словосочетания представляет собою сказуемое предложения, а самостоятельная по значению часть того же словосочетания является подлежащим предложения» [7, с. 183]. А.М. Пешковский также не видит качественной разницы между словосочетанием и предложением. По его мнению, предложениями называются «словосочетания, имеющие в своем составе *сказуемое*, или указывающие своим формальным составом на *опущенное* сказуемое, или, наконец, состоящие из *одного сказуемого*» [8, с. 180].

К концу XIX в. в лингвистике появилось формальное направление. Его представители пытались дать определение предложения, исходя из принципов его оформления: «Предложение – это отрезок речи, характеризующийся законченностью интонации» (Пешковский); «Предложение – это отрезок речи, заключенный между двумя паузами» (Дельбрюк); или «Предложение – это смысловое и интонационное единство» (Петерсон)» [9, с. 339] и т.д.

Итак, три различных направления (логическое, психологическое, формальное) представляют собой три различных подхода к определению предложения. В каждом из них обращается внимание на какую-то одну сторону, один аспект предложения, при этом сторонники одного направления, как правило, не принимают во внимание взглядов своих противников. В результате в лингвистике сложилось мнение, согласно которому предложение является весьма сложной и трудно определяемой единицей. В связи с этим предпринимаются попытки выявить основные или существенные признаки предложения, такие как целостность, предикативность, синтаксическая завершенность, смысловая законченность, коммуникативная функциональность и т.п. Однако такое перечисление признаков предложения не дает ожидаемого результата, так как понимать набор этих признаков можно по-разному. «При таких обстоятельствах оказывается совершенно неясным, что же имеется в виду, когда мы говорим о предложении» [10, с. 44].

Неоднозначность термина «предложение» связана ещё и с самой сущностью этого феномена (онтологический аспект). Дело в том, что существует несколько типов синтаксических конструкций, которые называют предложениями: однословное высказывание, предложение коммуникативной структуры, предложение актантно-ролевой структуры (сюда следует отнести все типы конструкций с подлежащими в форме косвенных падежей) и номинативное предложение. На самом деле указанные типы синтаксических конструкций представляют собой этапы развития предложения. При этом интересно отметить, что «процесс развития предложения в общечеловеческом (естественном) языке полностью соответствует этапам усвоения языка ребенком» [11, с. 35]. Иными словами, в обоих случаях выделяются одинаковые типы синтаксических единиц.

Наиболее ранней и простой известной грамматической «структурой», которая представлена в инкорпорирующих языках, является *слово-предложение*. Большинство исследователей считают, что через эту стадию прошли практически все языки. При этом следует отметить, что термин *слово-предложение* выглядит недостаточно удачным, поскольку, когда речь идет о ранних этапах развития языка, понятия «слово» и «предложение» представляются сомнительными, или относительными. Дело в том, что в условиях инкорпорации имеет место формальное совпадение слова, предложения и высказывания. Кроме того, «предложение как единица языка не могло возникнуть до слова, точно так же, как слово не могло возникнуть до предложения» [12, с. 38]. Именно поэтому вслед за Ю.А. Левицким мы будем пользоваться термином *однословное высказывание*.

Отличительной особенностью однословного высказывания является то, что формально оно соответствует слову, а семантически – целому предложению. Однословное высказывание – это предикативная единица (предикация здесь выражается соответствующей интонацией): оно выражает приписывание некой характеристики (Нового) какому-то предмету (Данному). Само это однословное высказывание представляет собой Новое, тогда как Данное подразумевается. Иными словами, однословное высказывание есть так называемый психологический предикат, в то время как субъектом является определенное представление, которое не получает выражения [13]. Однословное высказывание также всегда непосредственным образом связано с обозначаемой ситуа-

цией и фактически является одним из ее компонентов, то есть оно всегда референтно. Таким образом, единственный компонент однословного высказывания сочетает в себе два основных компонента речевого акта – предикацию и референцию – и является полным коммуникативным актом, направленным к конкретному лицу.

Референция формально отделяется от предикации в *двухкомпонентном высказывании*, которое семантически представляет собой первое вербальное расчленение обозначаемой ситуации. Первый компонент (Данное) – это точка референции, «тот «крючок», с помощью которого высказывание «цепляется» за ситуацию» [14, с. 36], а второй компонент (Новое) – это предикативная характеристика предмета речи, выраженного первым компонентом. Предикативное отношение, которое формируется в рамках двухсловного высказывания, представляет собой коммуникативную предикацию, средствами выражения которой служат порядок слов и интонация. Если семантически элементы двухсловного высказывания представляют собой тему и рему, то формально мы имеем дело с простейшей элементарной грамматикой – грамматикой непосредственно составляющих (НС). Отличительной чертой грамматики НС является то, что в ней не требуется морфологизации компонентов конструкции – семантика и функции этих компонентов вполне однозначно определяются их порядком.

Очевидно, что на этапе двухсловного высказывания еще не существовало достаточно четкого различия, противопоставления имени и глагола. Это различие появляется на этапе *трехсловного высказывания*, которое определенным образом накладывается, наслаивается на уже сформировавшуюся коммуникативную структуру. В отличие от двухсловного высказывания, в рамках которого формируется структура «топик – комментарий», трехсловное высказывание характеризуется актантно-ролевой структурой. Компоненты трехсловного высказывания (участники обозначаемого события) различаются позиционно, при этом порядок слов отражает семантическую значимость компонентов. Синтаксическая позиция действующего лица обычно занимает в высказывании первое место, а синтаксическая позиция объекта (предмета, на который направлено действие) – место после глагола. Таким образом, порядок слов оказывается наиболее общим, универсальным средством различия синтаксических позиций и в трехсловном высказывании.

Трехсловное высказывание, в свою очередь, послужило базой для оформления и развития *ролевой структуры*. Для соответствующей маркировки компонентов ролевой структуры вполне можно «оставаться» в рамках порядка слов. Однако во многих языках для этого используется соответствующее оформление слов – морфология. Таким образом, открываются два пути для развития современного синтаксически оформленного предложения номинативного строя: путь преимущественно синтаксический (в изолирующих языках) и путь преимущественно морфологический (во флективных языках). Формы словоизменения имени и глагола начинают складываться в языках посессивного строя, и если здесь появляются только какие-то зачатки противопоставления этих форм, то в языках активного строя такое противопоставление можно считать уже сложившимся. Однако процесс продолжается, и в дальнейшем наблюдается разделение имен и глаголов на подклассы, а также предварительное распределение синтаксических структур в зависимости от сочетаемости разных подклассов имени с соответствующими подклассами глагола. В результате этого складывается эргативная система, сущность которой заключается в различии переходных и непереходных глаголов и в противопоставлении двух основных падежей – абсолютного и эргативного (инструментального). К эргативному строю примыкают аффективный и локативный. В этих конструкциях продолжается дальнейшая дифференциация ролей, и для обозначения подлежащего в предложении используется форма другого косвенного падежа – дательного (в предложениях с аффективными глаголами маркируется субъект чувственного восприятия, а с локативными – субъект обладания). Короче говоря, в перечисленных конструкциях происходит последовательная маркировка возможных ролей, осуществляемая на фоне семантической дифференциации глагола.

Итак, в ролевой грамматике модель предложения задается типом глагола, требующим определенного количества актантов. По сравнению с коммуникативной грамматикой, в ролевой грамматике значительно возрастает вариативность высказываний, поскольку в высказывании любой из актантов может стать подлежащим или один из актантов может быть опущен. Таким образом, предложение уже становится единицей языка, которой в речи соответствуют многочисленные варианты. Но предложение окончательно обособляется от высказывания и становится самостоятельной единицей языка со своей грамматической формой и семантикой на последнем этапе, когда формируется формально-синтаксическая структура предложения. В наиболее развернутом виде формально-грамматические отношения складываются в рамках номинативного строя, для которого характерно *формальное согласование подлежащего и сказуемого*. Здесь члены предложения оформляются в соответствии с их *синтаксическими функциями*, а не семантическими ролями.

Кроме того, развитие синтаксических связей позволяет выходить за рамки простого предложения и объединять несколько таких предложений в одно сложное предложение.

Таким образом, предложение – это историческая категория, и его характер и формальные признаки изменяются с развитием языка (основная линия направления развития синтаксиса – от семантики к грамматике). Получается, что на разных этапах развития языка мы имеем дело с *разными грамматиками*, для каждой из которых характерно свое определение предложения. Идея исторической изменчивости формы предложения восходит к имени А.А. Потебни, который заявлял, что история языка должна давать ряд определений предложения, действительных для разных периодов развития языка: «Интерес истории – именно в том, что она не есть лишь бесконечная тавтология. Так и из основного взгляда на язык как на изменчивый орган мысли следует, что *история языка*, взятого на значительном протяжении времени, *должна давать ряд определений предложения*» [15, с. 83]. В самом деле, тот, «кто определил бы предложение, напр., русского яз. как словесное выражение психологического суждения, сказал бы так же мало, как тот, который бы определил Сократа как особь зоологического вида *homo sapiens* или нынешнее государство, церковь и т.п. как человеческое стадо», а вот для «того состояния языка, при котором психологическое сказуемое есть еще бесформенное слово» [16, с. 83], такое определение предложения вполне подходит. Точно так же два компонента коммуникативной структуры можно назвать подлежащим и сказуемым, однако следует иметь в виду, что это будут «не совсем такие» подлежащее и сказуемое, как в современных индоевропейских языках: они не образуют грамматической предикативности. Как уже отмечалось, предикативность выражается в них порядком слов и интонацией, когда соответствующее предложение употребляется в качестве высказывания.

Помимо отсутствия в лингвистике единого определения предложения и его признаков дело еще осложняется тем, что сам термин *предложение* оказывается далеко неоднозначным. Одни лингвисты понимают предложение как единицу речи (В.В. Виноградов, А. Гардинер, Д. Рис, А.И. Смирницкий, Ф. Соссюр, А.А. Шахматов, В.Н. Ярцева). Другие полагают, что термин *предложение* служит названием и единиц речи, и единиц языка (В.Г. Адмони, И.В. Артюшков, В.В. Бабайцева, Г.В. Валимова, П.С. Кузнецов, Т.П. Ломтев, Ю.С. Маслов, И.П. Распопов). Согласно трихотомии Л.В. Щербы, каждая лингвистическая единица, в том числе и предложение, принадлежит и языковой системе, и речевой деятельности, и языковому материалу [17, с. 25-26]. В предлагаемой статье мы хотим показать, что предложение целесообразно рассматривать только как единицу языка, и сущность предложения как языковой единицы заключается в том, что оно должно характеризоваться определенной грамматической формой, которая и обеспечивает его структурную завершенность. «Единственным и основным существенным признаком предложения как языковой единицы является его двусоставность, обусловленная наличием в нем предикативного отношения, или, иными словами, *грамматической предикативности*, соотношения существительного в именительном падеже с личной формой глагола. Именно наличие грамматической предикативности делает предложение самостоятельной и самодостаточной единицей» [18, с. 180]. Как пишет Э. Бенвенист, «единственным признаком предложения является его предикативный характер.... Вне предикации предложения не существует» [19, с. 446-447]. Иными словами, предикативность – это такая особенность предложения, которая присуща только предложению и отличает его от всех других единиц. Все остальные признаки предложения оказываются вторичными по отношению к этой особенности.

Итак, предложение – это единица грамматическая, формальная, конструктивная, а не коммуникативная. В предложении только «предусмотрены» потенциальные возможности его соотношения с каждым конкретным и с любым возможным актом речи. Иначе говоря, предложение *предназначено*, приспособлено для коммуникации, но реальной коммуникативной единицей выступает *высказывание* – речевая реализация предложения. «Когда мы пользуемся языком для общения друг с другом, мы производим не предложения, а высказывания» [20, с. 443]. Таким образом, «традиционное определение: *Слово или группа слов, выражающих отдельную законченную мысль*, – характеризует **не предложение, а высказывание**» [21, с. 100].

Изучению высказывания уделяли внимание такие лингвисты, как В.Г. Гак, Ю.А. Левицкий, О.И. Москальская, Г.Г. Почепцов, Ю.М. Скребнев и др. Потребность выделения высказывания как лингвистического понятия возникла в связи с углублением исследования функционирования языковых единиц в речи. С принятием понятия высказывания устанавливается полное единообразие в характере языковых единиц, в номенклатуре которых существует параллелизм инвариантов (в системе) и вариантов (в коммуникации), а также исчезает неоднозначность в употреблении термина «предложение». Главное, на наш взгляд, не забывать о разграничении языка и речи, проведенном Соссюром, и не отождествлять единицы языка с единицами речи, как это делают некоторые авто-

ры. Сравним, например: «Простое предложение – это такое высказывание, которое образовано по специально предназначенной для этого структурной схеме, обладает грамматическим значением предикативности и своей собственной семантической структурой, обнаруживает эти значения в системе синтаксических форм (в парадигме предложения) и в регулярных реализациях и имеет коммуникативную задачу, в выражении которой всегда принимает участие интонация» [22, с. 89-90]; «Предложение есть (относительно) полное и независимое человеческое высказывание; его полнота и независимость проявляются в том, что оно стоит отдельно или может стоять отдельно, т.е. может быть произнесено само по себе» [23, с. 357]; «Предложение – это высказывание, содержащее предикативную синтагму» [24, с. 332]. Ряд определений предложения, начинающихся со слов «Предложение – это такое высказывание...» может быть продолжен. Но «если это предложение, то его и следует определять как предложение, а если это высказывание, то оно уже не обязательно предложение» [25, с. 280].

Итак, необходимо проводить четкую границу между собственно предложением и его употреблением – высказыванием. Как отмечают Ю.С. Степанов и Л.П. Чахоян, термин «предложение» разделился на два: «предложение» (англ. *sentence*, франц. *proposition*) и «высказывание» (англ. *utterance*, франц. *phrase*), еще в 1930-е г. К сожалению, в отечественном языкознании последовательное разграничение предложения и высказывания приживалось с большим трудом. Хотя такие попытки предпринимались некоторыми авторами. Так, Ф.Ф. Фортунатов противопоставлял «предложения полные» и «предложения неполные» [26]. Достаточно близко к разграничению предложения и высказывания подошел В.В. Виноградов: «Можно сомневаться в том, что в каждом предложении, даже в разговорном предложении резко эмоционального грамматически нерасчлененного характера вроде: *Ну и ну! То-мо! Вот тебе на! Ай, ай, ай!* и т.п. – выражается предикативное сочетание сказуемого и подлежащего, но нельзя сомневаться в том, что этим выражениям или высказываниям присуща интонация сообщения» [27, с. 401]. А.М. Пешковский противопоставлял предложение как собственно синтаксическое или формально-грамматическое единство, имеющее форму сказуемости, фразе как единству интонационно-смысловому [28]. А.И. Смирницкий полагал, что «следует четко различать предложение как таковое и соответствующий ему акт речи» [29, с. 8].

Разграничение между предложением и высказыванием было проведено и в Академической грамматике 1970 г. В ней отмечается, что «не всякая единица, служащая средством и целям общения, заслуживает возведения в ранг предложения. По сути дела, высказыванием может стать любая словоформа, сопровождаемая определенной интонацией, мимикой или жестом» [30, с. 574-576]. В.А. Кочергина предложила пользоваться понятием «высказывание» для обозначения предложения, «обладающего смысловым членением и характеризующегося, следовательно, грамматической категорией коммуникативного задания. (Напомним, что не всякое предложение обладает этой грамматической категорией)» [31, с. 60]. Противопоставление, которое проводит В.А. Звегинцев между предложением и псевдопредложением, также может быть сопоставлено с разграничением высказывания и предложения [32, с. 185].

Г.Г. Почепцов также сделал попытку провести различие между предложением и высказыванием: «Вообще было бы целесообразно терминологически разграничить предложение как единицу языка и предложение как компонент (хотя центральный, но лишь компонент) акта речевого общения. За первым можно было бы сохранить название предложение, второе назвать, скажем, высказыванием» [33, с. 269]. Однако Почепцов не довел эту попытку до конца и вернулся к привычному смешению двух понятий: «Поскольку, однако, основу высказывания при таком понимании составляет все то же предложение, при этом не только как физическая реальность, но и в содержательном и во многом в функциональном аспекте, термин предложение сохраним и далее, памятуя о новом ракурсе, в котором предложение рассматривается в прагматическом аспекте» [34, с. 269].

Что касается зарубежной лингвистики, то в ней противопоставление предложения и высказывания получило широкое распространение уже давно и «фундаментально для большинства современных лингвистических теорий» [35, с. 68-69]. «Высказывания – это производимые говорящим отрезки речи (*parole*), в основе которых лежат предложения, порождаемые посредством системы элементов и правил, которые образуют язык (*langue*)» [36, с. 443]. «Предложения, строго говоря, представляют собой грамматические конструкции, а не эмпирические единицы. В своей языковой деятельности говорящий оперирует высказываниями» [37, с. 3]. «Высказывание – это то, что мы слышим и читаем, предложение – результат лингвистического анализа» [38, с. 281].

Итак, главным отличием высказывания от предложения является то, что для предложения необходимо присутствие личной формы глагола (без этого предложения нет), для высказывания же это вовсе необязательно – оно вполне может быть безглагольным. Иначе говоря, предложение должно быть формально завершенным, тогда как для высказывания такая завершенность необяз-

зательна. В реальной действительности человеческое общение редко осуществляется посредством полных предложений. «Предложения», которые мы употребляем в речи, далеко не всегда соответствуют тем образцам, которые представлены в грамматиках. Все речевые высказывания в зависимости от степени их грамматической оформленности можно расположить между двумя полюсами: полюсом «идеального» (грамматически полного) предложения и полюсом изолированных словоформ. Однако только что сказанное вовсе не означает, что речевой единице высказыванию могут соответствовать различные уровни языка: от слова и словосочетания до предложения и текста. С нашей точки зрения, высказывание как единица речи соотносится с предложением как единицей языка. Иными словами, за каждым высказыванием всегда стоит полное предложение. На это свойство высказываний указывал еще В. фон Гумбольдт: «...Говорящий всегда исходит из целого предложения..., поскольку в намерении говорящего любое, даже самое неполное высказывание действительно составляет законченную мысль...» [39, с. 145]. Дж. Лайонз пишет по этому поводу следующее: «...Высказывания состоят, конечно, не из предложений, но из одного или более сегментов речи (или письменного текста), которым можно поставить в соответствие предложения, порождаемые грамматикой» [40, с. 188-189]. Согласно В.Г. Адмони, «в бесчисленных разновидностях своих конкретных проявлений высказывание может чрезвычайно отойти от исходной структуры предложения, приобрести, казалось бы, совершенно иной статус. Но всегда, во всех без исключения случаях, если мы остаемся в пределах человеческого языка, обнаруживаются хотя бы отдаленные связи между любыми формами речевого высказывания и типологией предложения в каждом языке» [41, с. 44].

Таким образом, практически из любого высказывания можно получить двусоставное («полное») предложение, если вводить в него отсутствующие в нем, но вполне однозначно выводимые из контекста или ситуации компоненты. Так, например, опираясь на предшествующий контекст (*'It makes difference to some people.'*) высказывание *'In what way?'* можно дополнить до целого (двусоставного) предложения *'In what way does it make difference to some people?'* Или в примере *Как вас зовут, позвольте узнать? – Владимиром, – отвечал я, вставая и пришепетывая от волнения однословный ответ Владимиром* можно легко дополнить до полного – *Меня зовут Владимиром*. Тем не менее, следует помнить, что такое «восстановление» исходной структуры исходного предложения представляет собой искусственный прием и может производиться с одной лишь целью – показать, что формально неполное высказывание оказывается уместным именно в данном контексте, из которого и извлекаются «недостающие» компоненты. В реальной же речевой практике этого не происходит, поскольку если высказывание уместно, то оно и понятно. Иначе говоря, ситуация и контекст позволяют «свернуть», устранить из структуры употребляемого полного предложения все избыточные (известные, тематические) компоненты информации и эксплицировать только коммуникативно главные (новые, рематические) элементы.

В разных ситуациях и контекстах избыточными могут оказаться разные компоненты одного предложения, поэтому любое предложение можно представить в виде некоторого множества его коммуникативных вариантов. Иными словами, у предложения помимо формальной парадигмы есть еще одна – коммуникативная. Члены коммуникативной парадигмы можно рассматривать как своего рода позиционные варианты или ситуативные заместители предложения. По большому счету, в качестве позиционного варианта полного предложения могут употребляться любые слова (или слово), входящие в состав этого предложения и выполняющие функцию его членов (эллипсис). Однако интересно отметить, что в языке есть такие слова (Да и Нет, междометия, модальные слова), которые «самим значением всего слова (в случае бесформенности) выражают отдельный акт мысли» [42, с. 170]. В отличие от всех других «деформированных предложений», которые в любой момент могут быть формально восполнены до двусоставных, такие специализированные слова не могут быть аналитически сведены к своим развернутым предложениям-образцам. Выражаясь словами Фортунатова, в речи эти слова «не образуют и неполного предложения» и «вообще не представляют отдельной части предложения» [43, с. 171]. Они образуют особый класс заместителей предложений и заслуживают того, чтобы стать предметом отдельного исследования.

Понятие предложения является одним из самых сложных в лингвистике. Сложность этого понятия имеет два аспекта: гносеологический и онтологический.

Гносеологический аспект связан с проблемами изучения предложения. В лингвистике существует три основных подхода к определению предложения – логический, психологический и формальный. Сторонники логического подхода отождествляют грамматическое предложение с логическим суждением. Представители психологического направления рассматривают предложение как психический акт соединения определенных представлений в сознании говорящего, или, наобо-

рот, разложения целого представления на составляющие его единичные представления и соотношение их друг с другом. Сторонники формального подхода пытались определить предложение, исходя из принципов его оформления (смысловая законченность, синтаксическая завершенность, целостность, предикативность т. д.).

В каждом из указанных подходов обращается внимание на какой-то один аспект предложения. При этом сторонники одного направления, как правило, не принимают взглядов своих противников. В результате в лингвистике сложилось мнение, согласно которому предложение является сложной и трудноопределимой единицей.

Онтологический аспект связан с рассмотрением сущности и развития формальной структуры предложения. Формальные признаки и характер предложения изменяются с развитием языка. Основными этапами развития структуры предложения являются: 1) однословное высказывание, 2) предложение коммуникативной структуры, 3) предложение актантно-ролевой структуры, 4) номинативное предложение.

Структура предложения развивается от семантики к грамматике. В наиболее развернутом виде формально-грамматические отношения складываются в рамках номинативного строя, для которого характерно то, что члены предложения оформляются в соответствии с их синтаксическими функциями, а не семантическими ролями.

Таким образом, на последнем этапе развития структуры предложения окончательно формируется его формально-синтаксическая структура, и предложение становится самостоятельной единицей языка. Сущность предложения как единицы языка заключается в том, что оно характеризуется наличием в нем грамматической предикативности – соотношения существительного в именительном падеже с личной формой глагола.

Предложение как единицу языка следует четко отграничивать от его речевого употребления – высказывания. В отечественном языкознании последовательное разграничение предложения и высказывания приживается с большим трудом, тогда как в зарубежной лингвистике противопоставление предложения и высказывания уже давно получило широкое распространение. С принятием понятия высказывания устанавливается полное единообразие в характере языковых единиц, в номенклатуре которых существует параллелизм инвариантов (в системе) и вариантов (в коммуникации): фонема – звук, морфема – морф, слово – словоформа, предложение – высказывание.

Итак, предложение – это историческая категория, характеризующаяся своими особенностями на каждом этапе развития языка. С точки зрения современной лингвистики, предложение представляет собой формальную единицу, основным признаком которой является грамматическая предикативность. Предложению как единице языка соответствует высказывание как единица речи. Высказывание – это один из возможных вариантов предложения, обусловленный конкретными условиями коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Левицкий Ю.А.* Основы теории синтаксиса: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 2003.
2. *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
3. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О.М. Фрейденберг. М.;Л., 1936.
4. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М., 1967.
5. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике: в 4 т. М., 1958. Т. 1-2.
6. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
7. *Фортуатов Ф.Ф.* Избранные труды: в 2 т. М., 1956.
8. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении / 8-е изд., доп. М., 2001.
9. *Кочергина В.А.* Введение в языкознание: материалы к курсу для востоковедов. М., 1970.
10. *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
11. *Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А.* Лекции по истории лингвистики. Пермь, 2002.
12. Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А. Там же.
13. *Пауль Г.* Указ. соч.
14. Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А. Указ. соч.
15. Потебня А.А. Указ. соч.
16. Потебня А.А. Там же.
17. *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
18. Левицкий Ю.А. Указ. соч.
19. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
20. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
21. *Левицкий Ю.А.* Язык, речь, текст: учебное пособие по курсу «Общее языкознание». Пермь, 1999.

22. Русская грамматика: в 2 т. М., 1980. Т. 2.
23. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
24. Реформатский А.А. Указ. соч.
25. Левицкий Ю.А. Указ. соч.
26. Фортунатов Ф.Ф. Указ. соч.
27. *Виноградов В.В.* Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка) // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
28. Пешковский А.М. Указ. соч.
29. *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М., 1957.
30. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
31. *Кочергина В.А.* Синтаксис: учеб. пособие по курсу «Введение в языкознание». М., 1974.
32. Звегинцев В.А. Указ. соч.
33. *Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981.
34. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Указ. соч.
35. *Лайонз Дж.* Указ. соч.
36. Лайонз Дж. Там же.
37. *Dijk T.A. van.* Some Aspects of Text Grammars. The Hague, Paris, 1972.
38. Левицкий Ю.А. Указ. соч.
39. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 2001.
40. *Лайонз Дж.* Указ. соч.
41. *Адмони В.Г.* Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
42. Пешковский А.М. Указ. соч.
43. *Фортунатов Ф.Ф.* Указ.соч. Т. 1.